

Член-корр. АН СССР Г. В. Церетели

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В МЦХЕТА—
ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЕ ГРУЗИИ¹

Между Тбилиси и Гори, родиной великого Сталина, приблизительно в 20 километрах к северо-западу от Тбилиси, у места слияния горной реки Арагвы с Курой, расположена древняя столица Грузии, Мцхета, богатая археологическими памятниками. В восточной части Мцхета возвышается один из самых замечательных памятников грузинского зодчества—крестный монастырь конца VI в. Напротив крестного монастыря, на правом берегу реки Куры, находится гора Багнити, где экспедиция Грузинской Академии Наук под руководством академика С. Н. Джанашиа уже третий год ведет археологические раскопки. Второй пункт работы экспедиции находится в районе Армази, в 2 километрах к западу от станции Мцхета, вдоль железнодорожного полотна, на самом берегу Куры. Наконец, начиная с 1938 г. археологические работы ведутся в районе Самтавро, к северу от Мцхета, около Военно-Грузинской дороги.

Трудно переоценить значение этих раскопок. Достаточно сказать, что экспедицией обнаружены памятники материальной культуры эпохи, начинаая с середины второго тысячелетия до н. э. вплоть до позднего средневековья. В Армази обнаружен некрополь питиахшей, высших должностных лиц Иберийского царства с богатыми гробницами из каменных плит, со скатными каменными крышами. В Багнити раскопан акрополь с многочисленными строениями, культовыми сооружениями и т. д. Предметы домашнего обихода, посуда, художественные изделия из драгоценных камней, золота, серебра, бронзы насчитываются тысячами. Для изучения истории Грузии и ее культурной жизни в древнем периоде они приобретают исключительное значение. Но наиболее важным результатом работы мцхетской археологической экспедиции является открытие надписей, которым и посвящается наш доклад.

Надписи (имеются в виду дохристианские надписи) из Мцхета известны уже давно. Еще в 1867 г. в Мцхета был обнаружен камень с греческой надписью², изданной несколько раз, в которой сообщается, что «самодержец Цезарь Веспасиан Август... царю иберов Митридату, сыну царя Фара-

¹ Доклад, прочитанный от АН Грузинской ССР на пленарном заседании Юбилейной сессии АН СССР 25. X. 1947 г.

² См. А. Амиранашвили, Греческие надписи Музея Грузии «Bulletin du Musée de Géorgie», т. IV, Тбилиси, 1928, стр. 191; M a r k u s N. Tod, Roman Studies, 1943, стр. 85, прим. 2, там же литература.

⁴ Вестник древней истории, № 2

смана и Амасаспу¹ сыну, дружественному Цезарю и римлянам, и народу (иберийскому) укрепил стены». В 1870 г. там же была найдена древнееврейская (раввинская) надпись² V или VI в., в которой говорится, что «это—гроб дорогого (почтенного?) отца Иехуды, прозванного Гурк. Место его покая да будет с благочестивыми, его воскресение с праведными». В 1938 г. в районе Самтавро случайно были обнаружены две надписи, одна еврейская и одна греческая. Еврейская надпись³ писана на том же языке, что и предыдущая, и относится, повидимому, к той же эпохе. Она также представляет собой надгробие: «Это-могила Иосифа Бар Хазана. Пусть будет он помянут добром, а также его брат, Шаллум пусть будет помянут с миром».

Обнаруженная вместе с еврейским надгробием греческая надпись⁴ тоже представляет собой эпитафию, в которой упоминаются главный живописец (*ἀρχιζωγράφος*) и архитектор (*ἀρχιτέκτων*) Аврелий Ахолис и его супруга Бевразурия.

Наконец, несколько коротких греческих надписей встречается на геммах, обнаруженных в 1940 г. в одной из гробниц Армази. Так, в надписи, помещенной на гемме с изображением фигуры мужчины, вставленной в золотое кольцо, читаем *Ἀσπαρούχης πητιάξης* («Аспарук питиахш»). На другой гемме, вставленной в бляху золотого пояса⁵, изображены фигуры мужчины и женщины, помещенные друг против друга, и надпись *Καρπας Ζευάχης ζωή μου* («Карпак, Зевах, жизнь моя»).

В той же гробнице была найдена серебряная чаша с греческой надписью⁶, выведенной пунктиром, которая гласит: *Εὐὼ βασιλεὺς Φλ. Δάδης ἐχαριστήν* *Βαρσούμα πητιάξη*—«Я, царь Флавий Дадес, подарил питиахшу Барсума». Здесь всплывает имя иберийского царя «Флавий Дадес», и какого-то питиахша, носящего хорошо известное имя арамейского происхождения Барсума (*Bar Sauma*).

Но среди всех эпиграфических памятников, обнаруженных в Мцхета, особое место занимают надписи, писанные неизвестным ранее письмом арамейского происхождения, называемым ныне «армазским».

Осенью 1940 г. в армазском некрополе была найдена гробница, для которой в качестве строительного материала послужили, между прочим, камни с надписями. Одна из этих надписей является двуязычной⁷. Текст изложен одновременно на греческом языке и на языке, характер которого окончательно еще не установлен. В греческом тексте билингвы сказано: «Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша, жена сына питиахша Пупликия Агриппы, Иодмангана, одержавшего много побед эпитропа великого царя иберов Хсефарнуга. Скончалась молодая, 21 года, обладая подобной красотой». В параллельном тексте эпитафии имеем приблизительно такое же содержание. «Я—Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша царя Фарсмана, жена Иодмангана-победоносца (военачальника) и много побед одержавшего (сделавшего) двороправителя царя Хсефарнуга—сына Агриппы, двороправителя царя Фарсмана. Горе, горе тебе, которая была молодая. И столь хорошая и красивая была, что никто не был ей подобен по красоте. И умерла на 21-м году (жизни)».

¹ Как думает последний исследователь надписи А. И. Болтунова.

² Д. А. Хвольсон, Сборник еврейских надписей... СПб., 1884, стр. 129.

³ «Известия ИЯИМК», Тбилиси, 1940, стр. 419 сл.

⁴ С. Г. Каухчишвили, Новая греческая надпись из Мцхета—Самтавро «Сообщения Академии Наук Грузинской ССР», Тбилиси, 1943, стр. 577 сл.

⁵ С. Г. Каухчишвили, там же, стр. 169.

⁶ Там же, 189 сл.

⁷ См. Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тбилиси, 1941 (в дальнейшем сокращенно: АБ).

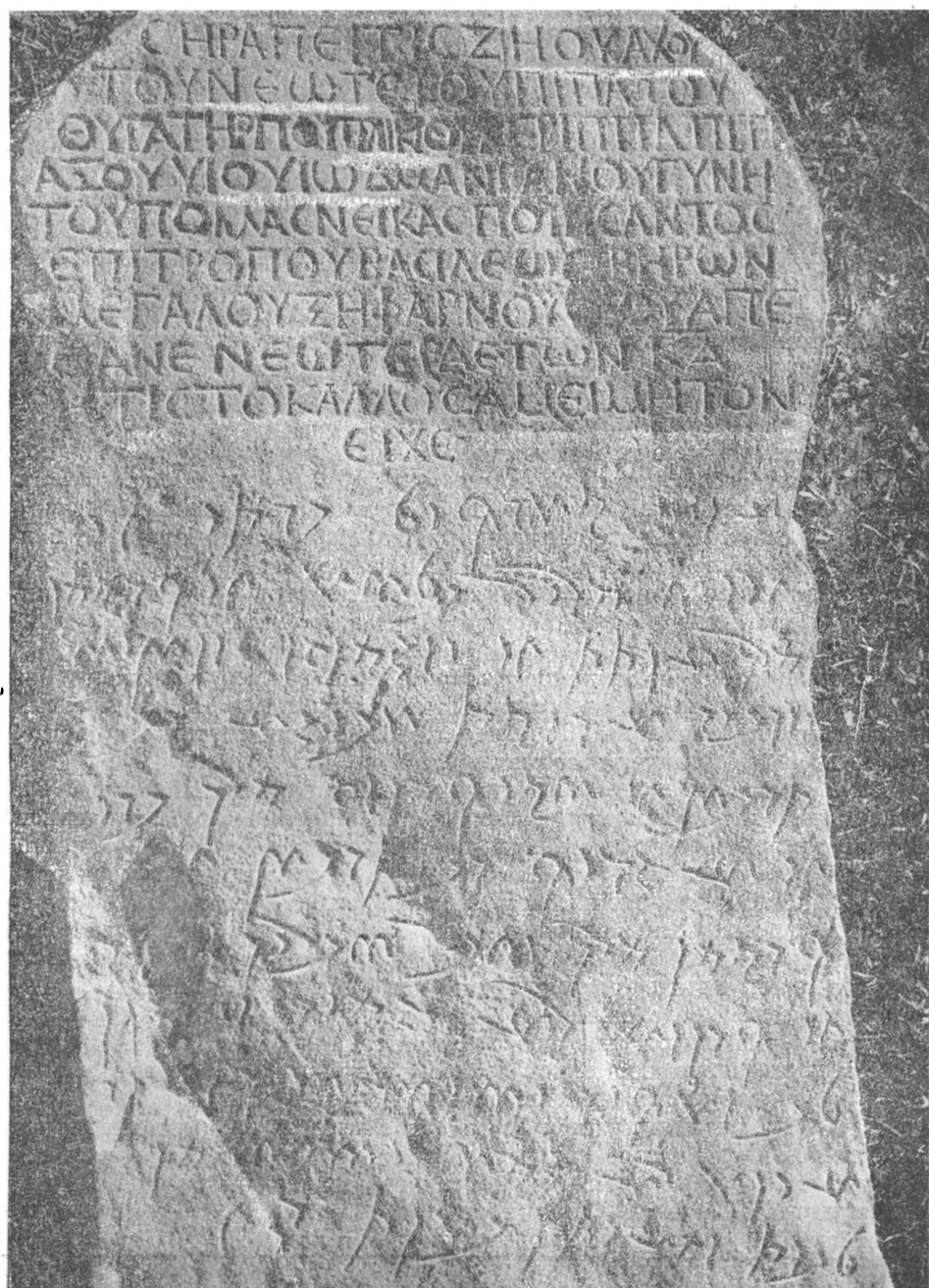

Рис. 1. Армазская билингва.

Из надписи узнаем, что могила принадлежит некоей Серафите, у которой был отец Зевах, питахш царя Фарсмана и муж Иодманган, двороправитель (эпитроп) царя Хсефарнуга, названного «великим» в греческом тексте билингвы. Отец Иодмангана Пупликий Агриппа также был двороправителем (по греческой версии питахшем) царя Фарсмана.

Этот Фарсман является, повидимому, тем самым иберийским царем, который был современником Адриана (118—138) и Антонина (138—161). Он находился в дружеских отношениях с римским императором и даже ездил в Рим, где на Марсовом поле ему была поставлена конная статуя¹. Упомянутый в надписи другой царь Хсефарнуг по другим источникам не известен. По всей вероятности, он был преемником Фарсмана на иберийском троне, так как является современником детей высших должностных лиц Фарсмана. Упоминание в надписи царя Фарсмана дает возможность более или менее точно установить дату написания билингвы. Царь Фарсман, как известно, был современником императора Антонина, который царствовал между 138 и 161 гг., так что его царствование продолжалось вплоть до середины II в. С другой стороны, упомянутые в надписи Серафита и Иодманган выступают в качестве современников, как думаем мы, преемника Фарсмана, царя Хсефарнуга. Следовательно, надпись следует отнести ко времени, близкому к началу второй половины или к концу третьей четверти II в.².

В обнаруженной вместе с этим надгробием до сих пор еще не изданной второй надписи греческий текст отсутствует. Кроме того, надпись плохо сохранилась, да и с самого начала она была написана небрежно. Все это сильно затрудняет чтение и понимание текста. Первое впечатление от надписи вызывало сомнение в возможности ее дешифровать. Благодаря двуязычной надписи, мы приобрели знание элементов языка армазских надписей, и это дало возможность приблизительно определить общее содержание текста.

Текст надписи по содержанию значительно важнее, чем надгробие Серафиты: он начинается словами: «Царь Михридат, царь великий, сын Фарсмана, царя великого. Я Шарагас, сын Зеваха владыки, я Шарагас, питиахш царя Михридата, слово и такое слово произнес...»

Затем в тексте передается содержание речи питиахша Шарагаса. Он рассказывает о победах, которые одержал mlk lnh («наш царь»). В надписи перечислен ряд побед, одержанных над соседними с Грузией странами, упомянуты три укрепленные местности, еще какие-то другие крепости, также Армения. Изложение истории каждого похода или «победы» ('rwst, как говорится в тексте) кончается словами: «эти победы наш царь одержал».

Интересно, что слово «царь», в одной и той же фразе, передается по-разному: в одном случае арамейским mlk, а в других — словами bzys, bzls, что, повидимому, представляет собой сокращение греческого βασιλεύς. Кроме того, в надписи рассказывается о «волнениях народа», упоминается имя «Аспарука», знакомое нам по греческой надписи на гемме из Армази, а также на основании сведений классических авторов (например, Аммиана Марцелина). Наконец, в надписи встречается знак, очень напоминающий персидский символ власти «харгупата» и тоже представляющий, повидимому, символ власти какого-то должностного лица Иберийского царства. Заканчивается текст опять упоминанием о победе.

К сожалению, пока что не совсем ясно, с какими событиями связан текст надписи, но несомненно, что он относится к эпохе войн и одержанных правителями Иберийского царства побед, волнений народов, и, возможно, восстаний и т. д. Поэтому мы имеем основания предполагать, что переданные в надписи сведения являются отголоском тех событий, которые

¹ Дион Кассий (у Латышева, 'Известия древних писателей, т. 1, СПб., 1893, стр. 629); И. Джавахишвили, История грузинского народа, Тбилиси, 1928; С. Н. Джанашиа, Древние исторические памятники Грузии, «Коммунисти», вып. VI, 1941; Армазская билингва, стр. 48 сл.

² АБ, стр. 20.

имели место в Иберии в I в. н. э. Упомянутый в надписи Фарсман, отец Митридата, очевидно, то самое лицо, которое играло видную роль в войне между Римом и Парфией за Армению. Как известно, Фарсман и его брат Митридат, назначенный римлянами правителем Армении, вторглись в страну и заняли ее столицу Артаксату. Митридат был убит Радамистом — сыном Фарсмана, по наущению отца. Однако Радамист, царствовавший некоторое время в Армении, вскоре вынужден был укрыться в Грузии, так как его жестокость вызвала народное восстание. Фарсман и впоследствии продолжает войну в Армении и устраивает набеги на отдаленные глухие районы страны¹. После Фарсмана на иберийском троне находится, по видимому, его сын Митридат, которому римляне укрепили стены и поставили стену с греческой надписью. «Митридат, царь великий, сын Фарсмана, царя великого» нашей надписи является этим самым Митридатом (вторая половина I в. н. э.). До сих пор мы не имели сведений о том, как развивались события в его время, но можно было думать, что и тогда продолжались войны, которые вел его отец. Именно об этих войнах и о победах, одержанных правителями Иберийского царства, рассказывает наша надпись.

Из сказанного видно, в какой степени любопытны армазские надписи с точки зрения содержания. Не менее интересны они и в палеографическом отношении.

Арамейское происхождение письма армазских памятников² в настоящее время не вызывает сомнений, но, ввиду оригинальности начертания букв и целого ряда других палеографических особенностей, оно выделяется среди известных нам систем как самостоятельная ветвь семитической письменности, называемая ныне армазской. Об оригинальности армазского письма свидетельствует следующий любопытный факт. В 1902 г. в селении Бори, около одного из древнейших культурных центров Западной Грузии — Сканде (нынешний Шорапани) была найдена серебряная чаша с надписями. Фотографии чаши с изображением коня и надписью впервые были опубликованы проф. Е. Такашвили в 1904 г. в «Известиях Кавказского отделения Московского Археологического общества» (Тбилиси, 1904, вып. 1, стр. 90—91), а затем несколько раз переиздавались на протяжении срока лет. Но до дешифровки армазской двуязычной надписи, все попытки крупнейших специалистов прочесть надписи, оставались безрезультатными.

Более того, Е. Придик, поместив фотографии борийской чаши в своих «Материалах по археологии России», вып. 34³, стал утверждать, что из двух надписей, помещенных на чаше, — одной, нацарапанной, и одной, сделанной пунктиром, — последняя (сделанная пунктиром) представляет какое-нибудь восточное наречие; нацарапанная же надпись, вероятно, латинская, написанная курсивом, очень напоминает помпейские *graffiti*⁴. При этом Придик сообщает о неудачных попытках известного Cagnat, крупнейшего специалиста по классической эпиграфике, прочесть надпись. Только благодаря армазским надписям становится возможным ее чтение. Первым прочел ее на основании азбуки армазской билингвы один из самых

¹ Тацит, *Annales*, VI, 31—36, XI, 8 сл., XII, 44 сл., XII, 6, 37; Дион Кассий, XVIII, 26; Латышев, III, 233—236; I, 621—622; И. А. Джавахишвили, *ibid.*, История грузинского народа, стр. 155—156; А. И. Амирашвили, *ibid.*, стр. 194; Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джавашиа, История Грузии, ч. 1, Тбилиси, 1946, стр. 80 сл.

² АБ, стр. 3 сл.

³ Евг. Придик, Новые Кавказские клады, стр. 94—110, фотография надписи там же, стр. 100.

⁴ Е. Придик, *ibid.*, стр. 100.

талантливых востоковедов нашего времени, безвременно скончавшийся А. Я. Борисов¹. Прочел ее и проф. Ш. Я. Амиранашвили² в Тбилиси, тоже с помощью армазской билингвы. Письмо обеих надписей борийской чаши, писанных, вопреки мнению Е. Придика, на одном и том же языке, идентично с письмом билингвы, а также надписи Митридата. Идентичен, повидимому, и язык.

История с борийской надписью является лучшим доказательством оригинальности армазского письма. Теперь, кроме борийской чаши и

Рис. 2. Борийская надпись.

упомянутых выше армазских стел, мы располагаем другими памятниками, писанными тем же письмом.

Несмотря на большое разнообразие почерков, все эти надписи объединяются между собой такими чертами, которые характерны только для армазских надписей и которые позволяют выделить армазское письмо в самостоятельную ветвь письма, генетически связанную с арамейским. Но из всех писем арамейского происхождения армазская азбука ближе всего стоит к иранским—пехлевийскому и парсийскому, как это следовало ожидать на основании культурно-исторических соображений. Интересно отношение армазской азбуки к указанным системам письма. В данном случае мы имеем такую же картину взаимосвязей, которую обнаруживает письмо Авесты в отношении пехлевийского и парсийского.

В связи с этим вопрос о так называемом «смешанном характере» Авесты, может быть, придется рассмотреть в другом направлении. Во всяком случае, при изучении этого вопроса отныне нельзя будет пренебрегать армазскими материалами, которые иной раз, возможно, будут иметь решающее значение.

¹ «Сообщения Государственного Эрмитажа», IV, Ленинград, 1947, стр. 8 сл.

² Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, I, Тбилиси, 1944, стр. 118.

При изучении армазского письма возникает также вопрос о его связи с письмом того народа, для которого Мцхета—Армази в течение веков являлся центром политической и культурной жизни, именно с грузинским. Сам по себе факт открытия в Мцхета своеобразного письма, отличного от всех известных до сих пор других алфавитов, мог бы послужить основанием для предположения о родстве этого письма с грузинским. И действительно, при сопоставлении армазских и грузинских знаков становится очевидной их тесная связь между собой. Но отдельные грузинские буквы (как, например, *b*, *g*) обнаруживают даже большую архаичность, чем армазские знаки, и сами представляют собой прототипы, от которых произошли соответствующие армазские буквы. Поэтому мы не можем рассматривать грузинское письмо как дальнейшее развитие армазского письма. Оно является только родственным с ним и, повидимому, вместе с ним происходит от одного общего источника—арамейского. Во всяком случае, при изучении вопроса о происхождении грузинского алфавита без учета армазских материалов вряд ли можно в настоящее время обойтись.

В заключение возникает вопрос о характере языка армазских надписей. Несмотря на то, что большинство слов, употребляемых в надписях, является арамейским, вряд ли можно считать язык арамейским, вследствие встречающихся в тексте солецизмов. Арамейские слова использованы там только в качестве гетерограмм. Некоторые исследователи¹ склонны утверждать пехлевийский характер языка надписей, но я затрудняюсь считать этот вопрос решенным, не только из-за малого количества персидских слов, но главным образом потому, что ни арамейские элементы, ни персидские не использованы в текстах в таком виде, как это характерно для обеих иранских систем хузвариша. Подобно тому, как письмо армазских надписей при некотором сходстве с иранскими письменами, одновременно значительно отличается от них, так же и язык свидетельствует о своеобразных традициях. Поэтому считать его обычным пехлевийским или парсийским пока что трудно. Более того, в такой же степени отличается язык этих памятников от языка той надписи на серебряной чаше, которая обнаружена в 1940 г. вместе с перечисленными выше греческими надписями на геммах и которая писана на обычном парсийском языке. Начальное слово надписи, которое представляло собой собственное имя, к сожалению, стерлось, и от него сохранились только следы последних двух букв. Затем упоминается (*bthšy bgy 'rthštr b[rh] bgy*) «питиахш божественного Ардашира, сына божественного (Папака?)». Далее повторяется слово *bthš* [*y*] и упоминается страна, возможно Иберия (Грузия) (последние буквы *rgn* дают возможность восстановить слово *vrgr* | *vrkn*). В конце надписи указан вес чаши: 53 драхмы (зузна).

Уже первое слово надписи свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с другими языковыми и палеографическими традициями, чем в армазских надписях. Язык текста надписи является персидским, обычным сассано-пехлевийским языком. Даже часто употребляемое слово «питиахш» представлено по-разному в надписи Ардашира и армазских эпиграфических памятниках. В первом случае оно передано в форме *bthšy*, т. е., так, как это характерно для персидских памятников, а в армазском имеем *pythš*, *bthš*, *byty' hš*, т. е. в форме, почти идентичной с грузинским. Не объясняются ли эти отличия хронологической разницей? На этот во-

¹ А. Г. Шанидзе, «Мнатоби» №9, 1942, стр. 135 сл.; А. А. Фрейман, ИАН, т. V, вып. 2, 1946, стр. 157 сл.; H. W. Bailey, JRAS, 1943, 1—2, стр. 1 сл.; H. Nyberg, отдельный оттиск «Ex Erano Rudbergiano», vol. XLIV, Gotoborgi, 1946, стр. 226 сл.

прос следует ответить отрицательно, так как борийская чаша с армазской надписью относится, по нашему мнению, к той же эпохе, что и надпись Ардашира (III в. н. э.). С другой стороны, авроманский пергамент, восходящий к I в. до н. э., в такой же степени отличается от армазского, как и позднейшие парсийские и пехлевийские памятники, и хронологическая близость и в данном случае не устанавливает языковой близости.

Надпись питиахша Ардашира свидетельствует о том, что во всяком случае в III в. н. э., кроме греческого и армазского, в Иберии существовали памятники на среднеперсидском языке. Языком официальных документов правителей Иберии был «армазский». На этом языке писаны: эпитафия жены двороправителя царя Хсефарнуга—Серафиты: речь питиахша царя Михридата, Шарагаса; надпись «Буз-Михра доброго питиахша» на борийской чаше; надписи посвятельного характера на золотых браслетах и т. д. С другой стороны, надпись на чаше питиахша Ардашира сделана на персидском языке. Это, повидимому, объясняется тем, что владелец чаши является питиахшем не иберийского, а сассанидского царя. Возможно, что в языке надписи отражена определенная политическая ситуация.

В связи с этим возникает вопрос: не является ли язык армазских надписей местным языком, грузинским? Такая возможность не исключена¹, но пока что мы не имеем определенных данных для таких утверждений. В настоящее время мне кажется более правдоподобным предположение (высказанное в связи с изучением билингвы), что «язык всех этих памятников представляет собой отражение той эпохи, когда образовывался среднеиранский письменный язык, и, несмотря на то, что к тому времени, когда писались наши памятники, он уже успел достаточно развиться и определиться как литературный язык государства аршакидов, а затем сассанидской Персии, в наших надписях все еще сохранились следы более древней стадии развития языка, эпохи его образования»². Эти следы заключаются, главным образом, в большом количестве арамейских элементов, наряду с которыми встречаются и персидские слова. Но так же, как в письме, мы встречаем следы сильного влияния греческого, в языке тоже, кроме персидских и арамейских элементов, проявляется влияние греческого. Так, например, в борийской надписи первоначальные *w*, *y* (*matres lectionis*) использованы под греческим, повидимому, влиянием для обозначения гласных. В билингве собственное имя иранского происхождения Хсефарнуг передано в эллинизированной форме. В надписи Михридата наряду с арамейским *mlk*, употребленным гетерограмматически, встречаются греческие *bzys* и *bzls* (*Βασιλεύς*), а также, возможно, латинское *kyzg* (*Caesar*). Но эти идущие с Востока и Запада два культурных течения, слившиеся друг с другом, основательно изменены и переработаны под влиянием мощной местной культуры, в результате чего получаем совершенно самостоятельный языковой и палеографический материал своеобразного характера и со своеобразными традициями.

Значение найденных при этих раскопках эпиграфических памятников трудно переоценить. Они дают возможность восстановить некоторые детали политической истории Грузии и ее культурно-исторических связей с Римом и Ираном в первых веках н. э. Благодаря этим надписям удастся несколько восполнить хронологию грузинских царей, а упоминаемая в них титулатура высших должностных лиц Грузинского царства позволяет выяснить общую картину социальной жизни и государственного строя Иберии указанной эпохи. Мы узнаем, что во главе грузинского государства

¹ См. В. И. Абаев в Сообщениях АН Груз. ССР, Тбилиси, 1945

² АБ, стр. 43 сл.

стоял царь, носящий титул «царь великий»¹, при нем существовали должности двоюуправителей и питиахшей. Употребление в отношении Иодмангана, двоюуправителя царя Хсефарнуга, выражения «победоносец и много побед сделавший», дает основание предполагать, что в функции двоюуправителя входило предводительство во время войны. Это тем более вероятно, что грузинскому переводу термина *rb trbš* (*ezoys mozgvari*), не известного, кстати, до сих пор в арамейском, в армянском обычно соответствует *hazarapet* («тысяченачальник»), восходящее к древнеперсидскому *hazaropatiš*—среднеперсидскому *hazarapet*. А относительно хазарапета мы знаем², что в Иране в его обязанность входила охрана царя. Будучи начальником лейб-гвардии, он постепенно приобретает важное влияние при дворе и, в конце концов, становится «великим визирем» и носителем верховной, после царя, светской власти в государстве³. Возможно, что такие же функции выполнял и двоюуправитель, упомянутый в наших надписях.

Очень важно упоминание в надписях питиахшей иберийских царей. До сих пор принято было думать, что питиахшат—чисто персидский институт и что питиахши появились в Грузии значительно позднее, к концу IV или в начале V в., когда Иберийское царство подпало под вассальную зависимость сассанидской империи. При этом считали, что питиахши назначались персидскими царями в качестве правителей подвассальной им территории. Благодаря нашим надписям выясняется, что такой же институт существовал и в Грузии и что иберийские цари имели при себе чиновников, называемых питиахшами. Возможно, что, кроме обычных питиахшей, были также великий и младший питиахши. Питиахши назывались «владыками». Они имели своих рабов, слуг и других подчиненных лиц. Делами войны управлял двоюуправитель, который, возможно, выполнял также другие функции. Высшие должностные лица имели свои символы власти, как это видно по встречающемуся в надписи Митридата знаку, напоминающему символ власти харгупата. Таким образом восстанавливается картина существования в первых веках нашей эры вполне развитой системы государства, с царем во главе и другими атрибутами государственной власти⁴.

Для официальных документов иберийские правители пользовались письмом своеобразного характера, арамейского происхождения, которое проявляет определенное сходство с грузинским. Это обстоятельство имеет исключительное значение для изучения одного из основных вопросов истории грузинской культуры—о происхождении грузинского алфавита. Наконец, не менее важно значение армазских надписей для изучения истории развития иранских и других алфавитов восточноарамейского происхождения, с которыми они также обнаруживают тесную родственную связь.

¹ АБ, стр. 18.

² Marquart, Untersuchungen zur Geschichte von Iran, «Philologus», 55 (1896), стр. 227.

³ K. Patkanian, Essai d'une histoire de la Dynastie des Sassanides, IА., VI, сер. 6, v. VII (1866), стр. 114.

⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, часть 1, стр. 72 сл.

